

Лазаренко Максим Витальевич

студент

Ковалёва Дина Петровна

бакалавр, старший преподаватель

Ишкова Екатерина Валерьевна

канд. психол. наук, доцент, преподаватель

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

г. Краснодар, Краснодарский край

DOI 10.31483/r-154335

РАЗВИТИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА КАК ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ КРИЗИСОГЕН У СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЁЖИ

***Аннотация:** статья посвящена исследованию развития искусственного интеллекта (ИИ) как фактора, провоцирующего экзистенциальный кризис (ЭК) у современной молодежи. Рассматриваются социокультурные предпосылки техногенной цивилизации, усиливающие чувство потерянности и тревоги у молодых людей. Анализируется влияние технологизации на когнитивно-экзистенциальную сферу, включая трансформацию мышления, утрату критического восприятия и формирование зависимости от технологий. Особое внимание уделяется прогнозируемым изменениям рынка труда и их роли в обесценивании профессиональных стратегий, а также философским вопросам замещения человеческой субъектности. На основе анализа рисков (включая данные Т. Орда) обосновывается высокая вероятность катастрофических сценариев, связанных с ИИ, и их отражение в индивидуальном сознании молодежи, приводящее к утрате смысложизненных ориентиров.*

***Ключевые слова:** искусственный интеллект, экзистенциальный кризис, молодежь, техногенная цивилизация, когнитивная сфера, рынок труда, субъектность, экзистенциальные риски, смыслоутрата.*

В современных исследованиях, обобщающих новейшие научные изыскания относительно общего молодежного экзистенциального кризиса (ЭК) [2; 5], описано достаточно факторов, способствующих его возникновению. Однако недостаточно изученным является вопрос влияния развития искусственного интеллекта (ИИ), в связи с тем, что на данный момент мы наблюдаем за самой активной фазой этого процесса.

Некоторые компоненты ЭК – такие как чувство страха, тревоги, отчаяния, утрата жизненных смыслов и целей – могут быть непосредственно связаны с прогрессом в области искусственного интеллекта, и в данной статье будут раскрыты механизмы данной взаимосвязи.

Прежде чем обратиться непосредственно к влиянию ИИ, необходимо обозначить общий фон, на котором это влияние становится особенно значимым для молодежи. Многие вызовы современности, порожденные развитием технологий, имеют в своей основе социокультурные причины. Прежние ценностные ориентиры, долгое время служившие опорой для человека, утратили свою регулятивную функцию, что привело к размыванию идентичности. В этой связи уместно привести мысль М.В. Лебедева о том, что ключевым вопросом сегодня становится определение той черты в развитии технологий, за которой человеческое существование и сама человечность как значимая культурная категория могут прекратить свое существование [10, с. 135]

Подобный риск утраты человеческого в человеке делает проблему ИИ достаточно острой. Современная технологическая среда, по своей сути направленная на преодоление природного начала и не всегда учитывающая гуманистические ориентиры, представляет собой серьезную угрозу [10, с. 136]. Для молодых людей, которые только выстраивают свою систему взглядов и отношений с миром, погружение в такую среду чревато усилением чувства потерянности и тревоги – базовых составляющих ЭК.

Влияние технологий распространяется и на то, как человек мыслит и воспринимает реальность. Процессы, связанные с технологизацией сознания, затрагивают глубинные, экзистенциальные его слои. Нарушается баланс между

получаемыми знаниями и внутренними смысловыми структурами личности, деформируются представления человека о себе и окружающих, меняется само отношение к миру, которое перестает быть ценностно окрашенным. Огромные потоки информации обесценивают само понятие знания как такового. Более того, в обществе укореняется мнение, что уследить за всеми изменениями невозможно даже для самого эрудированного человека, и это нередко становится удобным предлогом для отказа от познавательной деятельности [10].

В этом пункте становится очевидной связь описанных процессов с компонентами экзистенциального кризиса. Постепенная утрата способности к самостоятельному, критическому и творческому мышлению напрямую связана с тем, что функции познания все чаще делегируются технологиям, в том числе ИИ. Следствием этого становятся когнитивные изменения: рациональное начало уступает место эмоциям и иррациональным импульсам, воображение подменяется стереотипами, память и внимание ослабевают. Такая трансформация когнитивной сферы неизбежно меняет и сам способ взаимодействия человека с действительностью, делая его более пассивным и ведомым. В этих условиях закономерно возникают такие проявления ЭК, как утрата жизненных ориентиров и ощущение бессмысленности существования.

И этот процесс трансформации человеческой субъектности приводит к качественно новому типу зависимости. Как справедливо отмечают исследователи, человек может быть назван «техногенным» не столько по факту использования технических устройств, сколько в силу принципиальной невозможности представлять свое существование вне технологического контекста [10, с. 137]. Данная зависимость приобретает настолько глубокий характер, что ситуация отсутствия техники или ее неисправности ставит человека в положение беспомощности. При этом, как подчеркивается в научной литературе, лишь незначительная часть населения сохраняет компетенции, необходимые для автономного существования вне технологической среды, либо обладает достаточными познаниями в самой технической сфере для понимания ее внутренних механизмов [9, с. 148]. Таким образом, формируется замкнутый круг: чем более «техногенным»

становится человек, тем меньше у него остается ресурсов для существования независимо от технологий, что, в свою очередь, лишь усиливает его экзистенциальную зависимость от них.

Стремительное усложнение архитектуры искусственного интеллекта и сопутствующее этому снижение прозрачности его функционирования вызывают обоснованную тревогу в научном сообществе и обществе в целом [3, с. 101]. Эти риски приобретают особую остроту в периоды социально-экономической нестабильности, когда экзистенциальные угрозы переживаются человеком наиболее остро [4, с. 17]. Данное замечание является принципиально важным, поскольку автоматизация и технологизация не только трудовых, но и когнитивных процессов неизбежно повлечет за собой трансформацию рынка труда, что, в свою очередь, создаст предпосылки для социальной и, как следствие, политической напряженности.

Масштабы грядущих изменений иллюстрируют данные аналитических отчетов: согласно прогнозам McKinsey, к 2030 году до 800 миллионов работников будут вынуждены сменить профессиональную сферу в связи с внедрением искусственного интеллекта, при этом уже сегодня значительная доля трудовых операций в большинстве профессий подлежит автоматизации. Однако последствия технологического прогресса не исчерпываются экономической сферой. Если ранее основным социальным конфликтом индустриальной эпохи была борьба за сокращение рабочего времени, то сегодня, в условиях развития генеративного ИИ, дискуссия смещается в сторону сохранения тех аспектов трудовой деятельности, которые традиционно считались исключительно человеческими – творческого начала, самостоятельности принятия решений, общественного признания. Труд постепенно утрачивает свою исключительно инструментальную функцию, превращаясь в пространство самореализации личности. Однако алгоритмизация, вытесняя рутинные операции, одновременно ставит под сомнение саму антропоцентрическую основу профессиональной деятельности [7, с. 113].

Именно эти прогнозируемые изменения рынка труда создают питательную среду для формирования экзистенциального кризиса у современной молодежи.

Молодые люди, находящиеся на этапе профессионального самоопределения, сталкиваются с принципиальной неопределенностью, а традиционная логика «обучись и работай» утрачивает свою очевидность. Если алгоритмы способны заменить значительную часть трудовых функций, закономерно возникают вопросы: на кого ориентироваться при выборе образования и есть ли вообще смысл в долгосрочном профессиональном обучении? В более глубокой, экзистенциальной перспективе это порождает еще более тревожные размышления: если труд перестает быть пространством самореализации и социального признания, а будущее видится размытым и лишенным ясных ориентиров, то в чем тогда заключается смысл выстраивания жизненной траектории уже сейчас? Таким образом, речь идет не только и не столько о потере рабочего места, сколько о подрыве самой возможности осмысленного профессионального существования, что становится фактором, провоцирующим утрату жизненных ориентиров, обесмысливание настоящего и усиление тревоги перед будущим.

Многие исследователи (см., напр. [6, с. 163]) также выражают опасения относительно наиболее пессимистичных сценариев развития взаимодействия человека и искусственного интеллекта. Суть проблемы заключается не в прямом технологическом уничтожении, а в постепенном замещении человеком себя как вида: возвышении ИИ до статуса «сверхчеловека» и добровольной уступке ему собственной субъектности. В этом контексте возникает вопрос о том, не становится ли ИИ «актуальнее» своего создателя, если обратиться к аристотелевской традиции понимания иерархии сущего как иерархии актуальностей, получившей развитие в схоластической мысли. В связи с этим Малинов С.А. формулирует ряд фундаментальных философских вопросов: не приведет ли развитие искусственного интеллекта к понижению онтологического статуса человека, даже несмотря на кажущееся повышение его адаптивных возможностей? можно ли говорить о том, что ИИ способен обрести собственную, самостоятельную реальность, и как эта реальность соотносится со сферой виртуального? правомерно ли отождествлять виртуальное с областью потенциального бытия? и не обернется ли прорыв,

осуществленный посредством ИИ, возможным умалением человеческой реальности? [6, с. 163].

В этой связи актуализируется потребность в пересмотре самой парадигмы взаимодействия человека с ИИ. Как отмечает Малинов С.А., современные языковые модели, автоматизируя речевую деятельность, создают лишь иллюзию понимания – симулякры смысла, подменяющие подлинное создание смысла, рождающееся в усилиях и рефлексии. Преодоление этого кризиса видится в переориентации функции ИИ: от выдачи готовых ответов – к углублению вопрошания, от завершения мысли – к её усложнению. Такая трансформация позволила бы превратить ИИ из «заменителя» мышления в инструмент, усиливающий познавательные способности человека [6, с. 167].

Исторический опыт взаимодействия с технологиями демонстрирует двойственность последствий технологических прорывов. С одной стороны, многие опасения впоследствии оказывались преувеличенными (как в случае с железными дорогами или телефонами), это позволяет предположить, что нынешние страхи перед ИИ могут со временем начать восприниматься как очередной пример технофобии [6, с. 168]. С другой стороны, историю пороховой индустрии можно считать примером обратным: то, что начиналось как источник развлечений (фейерверки), обернулось созданием огнестрельного оружия, кардинально изменившего характер военных конфликтов. И примеров таких немало. Это показывает, что технологические прорывы несут в себе не только позитивные возможности, но и реальные угрозы, которые на ранних этапах развития далеко не всегда очевидны.

И хотя существуют правовые прецеденты ограничения использования ИИ на международном уровне [8, с. 58], представляется достаточно вероятным, что подлинные ограничения не будут введены до тех пор, пока перед человечеством не встанет вполне конкретный и устрашающий вопрос о самом его выживании. История ядерного оружия продемонстрировала нам, что активное развитие и наращивание арсеналов продолжалось до момента реального осознания катастрофических последствий, и лишь затем возникла система сдерживания. До

наступления реальной катастрофы доминирует стремление к развитию любой ценой. Именно эта неопределенность – отсутствие гарантий, что катастрофы удастся избежать, и невозможность повлиять на глобальные процессы – создает тот экзистенциальный фон, на котором у современной молодежи формируется ощущение неясности будущего и обесценивания собственных жизненных стратегий.

В конце хотелось бы привести составленную Баевой Л.В. на основе материалов Тоби Орда таблицу (рис. 1) [1, с. 295], в которой систематизированы вероятности различных экзистенциальных катастроф в ближайшие сто лет. Согласно этим данным, риск, связанный с неконтролируемым развитием искусственного интеллекта, занимает третье место, уступая лишь общему экзистенциальному риску и совокупности антропогенных угроз. Вероятность катастрофы по сценарию ИИ (1 из 10) всего на 40% ниже, чем у двух первых позиций (1 из 6), что свидетельствует о крайне высокой степени опасности, приписываемой данному фактору. При этом четвертая позиция – непредсказуемые антропогенные риски (1 из 30) – меньше первых двух уже на 80%, а по сравнению с риском от ИИ – на 67%. Такое распределение наглядно демонстрирует, насколько значимую роль в современном мире играет развитие искусственного интеллекта как источника потенциальной глобальной угрозы, способной по своей вероятности соперничать с самыми масштабными вызовами человечеству.

Экзистенциальные катастрофы	Шансы с вероятностью до 100 лет
Астероид или комета из космоса	~ 1 из 1 000 000
Извержение супервулкана	~ 1 из 10 000
Взрыв Солнца	~1 из 1000 000 000
Ядерная война	~1 из 1000
Изменения климата	~1 из 1000
Другой экологический ущерб	~1 из 1000
Искусственно созданные пандемии	~1 из 30
Естественные эпидемии	~1 из 10000
Неконтролируемый ИИ	~1 из 10
Непредсказуемые антропогенные риски	~1 из 30
Общие антропогенные риски	~1 из 6
Общий экзистенциальный риск	~1 из 6

Рис. 1. Экзистенциальные риски по оценке Т. Орда (сост. Баева Л.В.)

Рассмотренные данные позволили увидеть, как глобальная угроза со стороны ИИ преломляется в индивидуальном сознании молодого человека. Оценка риска неконтролируемого ИИ как сопоставимого с ядерной войной перестает быть для молодежи абстрактной статистикой, трансформируясь в личный экзистенциальный вызов. Неопределенность будущего, размывание профессиональных перспектив и угроза человеческой субъектности, усиленные осознанием высокой вероятности катастрофы, создают критическое давление на формирующуюся личность. Развитие ИИ выступает комплексным кризисогеном, активирующим компоненты экзистенциального кризиса: от базальной тревоги до обесценивания долгосрочных жизненных стратегий. Молодежь оказывается в ситуации противоречия между антропоцентричными моделями самореализации и прогнозируемой «постчеловеческой» реальностью, что порождает глубинный мировоззренческий кризис и ставит под вопрос осмысленность существования в настоящем.

Список литературы

1. Баева Л.В. Экзистенциальная безопасность в условиях техногенной культуры / Л.В. Баева // Вестник РУДН. Серия: Философия. – 2025. – №2. – С. 282–301. DOI 10.22363/2313-2302-2025-29-2-282-301. EDN QBCZRW
2. Головина А.Г. Экзистенциальный кризис и аутоагрессивное поведение у подростков / А.Г. Головина // Возрастные аспекты психических расстройств и особенности их пастырского окормления. – 2025. – №1. – С. 69–73. DOI 10.24412/cl-37441-2025-1-69-73. EDN XNKFUK
3. Дубровский Д.И. Развитие искусственного интеллекта и глобальный кризис земной цивилизации (к анализу социогуманитарных проблем) / Д.И. Дубровский // Философия науки и техники. – 2022. – №2. – С. 100–107. DOI 10.21146/2413-9084-2022-27-2-100-107. EDN PDWZLF
4. Ковалев А.А. Ментальная и экзистенциальная безопасность человека как философская проблема в условиях цифровой трансформации / А.А. Ковалев // Социум и власть. – 2025. – №2. – С. 7–25. EDN WLSCTS

5. Лазаренко М.В. Теоретический анализ экзистенциального кризиса у старших подростков: сборник трудов конференции. / М.В. Лазаренко, Т.А. Халилов // Молодежная наука в современном мире: Всеросс. студенческая науч.-практ. конф. с междунар. участ. – 2025. – 13 с. DOI 10.31483/r-138199. EDN RSXDGS
6. Малинов С.А. Искусственный интеллект как симулякр смысла / С.А. Малинов // Galactica Media: Journal of Media Studies. – 2025. – №4. – С. 154–173. DOI 10.46539/gmd.v7i4.705. EDN HPPUZQ
7. Новоселов Д.О. Искусственный интеллект и изменение трудовых ценностей, влияние автоматизации на восприятие работы / Д.О. Новоселов // Телескоп. – 2025. – №1. – С. 113–118.
8. Петев Н.И. Экзистенциальная, правовая и этическая проблемы искусственного интеллекта / Н.И. Петев // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2022. – №2 (45). – С. 55–70. DOI 10.18799/26584956/2022/2/1159. EDN RRLORJ
9. Слюсарев В.В. Цифровая революция и экзистенциальный кризис личности / В.В. Слюсарев, Т.М. Хусяинов // Век глобализации. – 2018. – №4 (28). – С. 145–151. EDN YXBJTF
10. Храпов С.А. Проблемы идентификации человека в социокультурном контексте техногенной цивилизации / С.А. Храпов // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2018. – №3 (56). – С. 133–139. EDN PLKHLU